

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА АКСИОЛОГИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТА ТЕЗАУРУСА, ОБОЗНАЧАЮЩЕГО НЕУПОРЯДОЧЕННУЮ ГРУППУ ЛЮДЕЙ)*

TATSIANA V. NIKITSENKA

THE IMPACT OF URBANIZATION ON THE AXIOLOGICAL CHANGE OF A WORD (A STUDY OF THE THESAURUS FRAGMENT DENOTING AN UNORDERED GROUP OF PEOPLE)

**Татьяна Васильевна
Никитенко**

<https://orcid.org/0009-0006-4385-2336>

► NikitsenkaTV@bsu.by

кандидат филологических наук, доцент

Белорусский государственный
университет,
Республика Беларусь, 220030,
Минск, пр. Независимости, 4

Tatsiana V. Nikitsenka

PhD in Philology, Associate Professor

Belarusian State University,
4, pr. Nezavisimosti, Minsk,
220045, Republic of Belarus

Статья посвящена номинациям современного русского языка, обозначающим неупорядоченное скопление людей (*толпа, орава, масса, стадо, шваль* и др.). В современном употреблении они характеризуются стилистическим своеобразием: значительная часть имеет либо нейтральную, либо разговорную квалификацию, в том числе стилистически сниженную. Рассматриваемые единицы дополнительно классифицируются по знаку оценки: большинство из них имеет негативно-оценочный статус. Семантический анализ фрагмента тезауруса, обозначающего неупорядоченную группу людей, позволяет выделить часто фиксируемые семы — ‘низкий социальный статус’ (*отребье, простонародье, чернь* и др.) и ‘преступные намерения’ (*подонки, свора, шобла* и др.). Сделан вывод: подобные номинации имеют тенденцию активно пополнять словарный фонд языка в период интенсивных процессов урбанизации и отхода от привычного деревенского уклада жизни. Рост городов и городского населения оказывает существенное влияние на образ жизни человека (распад локальных форм коллективности, повышенная мобильность населения и т. д.). Переток людей из малых городов в средние наблюдался с конца XVII в., а концентрация жителей в больших городах как непрерывная тенденция отмечается с середины XIX в. Показано, что именно в этот период впервые зафиксированы многочисленные номинации в рассматриваемом значении, многие из которых его приобрели в результате развития новых смысловых линий и изменения коннотаций, поскольку отражали окружающую действительность и меняющиеся ценностные ориентации времени. Материалом исследования послужили данные толковых и исторических словарей, фрагменты текстов, извлеченные из Национального корпуса русского языка, позволяющие на основе сопоставительного анализа выявить динамические процессы в семантике изучаемой лексики.

Ключевые слова: урбанизация, ценностные ориентации, семантические изменения, пейорация, неупорядоченная группа людей.

*Исследование выполнено по теме «Динамика семантических процессов в истории языка (на материале оценочной лексики славянских и германских языков)» при поддержке гранта ректора Белорусского государственного университета, 2023–2024 гг.

The study was carried out on the topic “Dynamics of semantic processes in the history of language (based on the evaluative vocabulary of Slavic and Germanic languages)” with the support of a grant from the rector of Belarusian State University, 2023–2024.

The article focuses on the lexical units of modern Russian that denote an unordered group of people (*crowd, horde, mass, herd, dregs*, etc.). In modern usage, they are stylistically marked as most of them are either neutral or colloquial, even low colloquial. The units under consideration are also evaluatively loaded as most of them are considered to be pejorative. The semantic analysis of this thesaurus fragment makes it possible to reveal other senses peculiar to the words in question — ‘low social status’ (*scum, common people, rabble*, etc.) and ‘criminal intentions’ (*scum, pack, gang*, etc.). It is concluded that such words tend to actively enter the language during the period of intensive urbanization processes and transformation of the rural lifestyle. The growth of cities and urban populations had a significant impact on the society (the collapse of local collective forms, increased mobility of the population, etc.). The flow of people from small towns to medium-sized ones was observed at the turn of the 17th century, and the concentration of residents in large cities as a continuous trend was observed from the middle of the 19th century. It was during this period when numerous lexical units denoting unordered groups of people were attested. These words reflected the reality and values of that time. The material for the research was collected from the explanatory and historical dictionaries, fragments of texts extracted from the Russian National Corpus which ensure to identify dynamic processes in the semantics of the vocabulary in question based on the comparative analysis.

Keywords: urbanization, values, semantic changes, pejoration, an unordered group of people.

Введение

Семантическое пространство оценочных значений любого языка структурируется с помощью определенных лексических средств и представляет собой реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического знания о мире, в котором сконцентрирован национально-культурный опыт языковой общности, отражающий динамику взаимодействия оценки и нормы [Дронова 2007: 6]. Оценка, представляющая ценностный аспект объектов, и норма исторически изменчивы: динамика ценностей находится в очевидной зависимости от образа жизни человека, который, в свою очередь, в значительной степени меняется вместе с социально-культурными и политическими изменениями в обществе. Урбанизация населения, несомненно, является одним из факторов, оказывающих влияние на общество.

Исторически на территории Российской империи урбанизация представлена в следующих цифрах: доля населения, проживавшего в больших городах, за 1722–1910 гг. возросла с 0 до 40 %,

в средних городах — с 2 до 37 %, в малых городах, наоборот, сократилась с 98 до 23 %. Перераспределение населения между средними и малыми городами обнаружилось с конца XVII в., а концентрация жителей в больших городах как непрерывная тенденция — с середины XIX в. [Миронов 2014: 798–799]. Показательна история некоторых слов современного русского языка, обозначающих объединение людей, неорганизованных и часто низкого социального статуса. Ретроспективный анализ их семантической структуры дает основание предположить, что подобная лексика активно пополняет словарный фонд в период интенсивных процессов урбанизации и отхода от привычного деревенского уклада жизни. Таким образом, целью данной статьи является установление взаимосвязи между динамикой фрагмента тезауруса, обозначающего объединение, группировку людей, часто неорганизованных и низкого социального статуса, и периодом активного развития городов и роста городского населения. Предмет исследования составили номинации русского языка, обозначающие неупорядоченную группу людей. Материалом послужили данные толковых и исторических словарей, фрагменты текстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка (далее — Корпус; они снабжаются указанием на автора и год фиксации) [НКРЯ], позволяющие на основе сопоставительного анализа выявить динамические процессы в семантике изучаемой лексики.

Состояние изучения вопроса

Влияние города на язык и речевые процессы ранее привлекало внимание исследователей (например, см. работы: [Drake 1961; Labov 2010]), в меньшей степени затрагивалась аксиологическая динамика слова. В одной из своих первых монографий, посвященных процессам пейорации на материале английского языка, Х. Шрёдер анализирует метаморфозы английского *churl* (др.-англ. *ceorl*). Семантика и прагматика слова претерпели существенные изменения: от древнеанглийского ‘мужчина, муж’, в том числе в положительно-оценочном употреблении в поэтической речи ‘герой, король’, до современного экспрессивно-оценочного ‘грубьян;

скрыга; деревенщина². Изменение социальных представлений и, соответственно, ценностных ориентаций в среднеанглийский период, обусловленные социокультурными и экономическими факторами, в результате которых заметно проявлялась дихотомия «город — деревня», способствовали пейоративному процессу *churl* [Schreuder 1970: 65–71].

Обсуждение результатов исследования

В отечественной историографии при определении различий между городом и деревней выделяют четыре периода. Первый период протекает до середины XVII в., когда город и деревня не были четко отделены друг от друга, представляли в значительной мере единое административное, социальное, экономическое и культурное пространство. Второй период начинается с середины XVII в. и длится примерно до 1785 г., когда происходило отделение города от деревни. Границы третьего периода представлены 1785–1869 гг. В это время город отделился от деревни экономически, и их дифференциация во всех отношениях достигла пика. Четвертый период охватывает 1860-е годы — 1917 г.: в это время дифференциация города и деревни сменяется процессом их интеграции [Миронов 2014: 790]. Можно предположить, что бинарная оппозиция «город — деревня» оформлялась в XVIII в. — 60-е годы XIX в. Вкупе с другими важными социально-политическими и культурными событиями (активное развитие производственной сферы, формирование отраслей промышленности, складывание литературного языка на национальной основе, зарождение революционных движений и пр.) такая трансформация традиционного уклада жизни, безусловно, имела выход в лексическую систему языка.

Определению «неупорядоченная группа людей» может соответствовать многочисленный ряд номинаций. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой в статье под заголовочным словом *толпа* приводятся следующие единицы — *толпа* «большое скопление людей»; *гурьба* «употребляется преимущественно для обозначения шумной, чаще веселой, беспечной группы людей,

направляющихся,двигающихся куда-л.³; *ватага* «шумная и веселая группа, компания людей (обычно молодежи, детей), вместе идущих куда-л., играющих и т. п.»; *орава*, *орда* «шумная, беспорядочная толпа, оба слова употребляются обычно с отрицательной оценкой, которая особенно ярко выражена в слове *орда*» [Словарь синонимов русского языка 2003: 548]. «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова выделяет в ряду с доминантой *толпа* синонимы: *скопище*, *сборище*, *орда*, *сбор*, *орава*, *ватага*, *люд*, *народ*, *простонародье*, *чернь*, *масса*, *плебс*, *улица*; также дает отсылки к заголовочным словам *общество* и *стадо*. В синонимичном ряду с доминантой *чернь* приводятся такие лексеммы, как *простонародье*, *народ*, *улица*, *масса*, *плебс*, *плебеи*; *отребье*, *подонки общества*; даются отсылки к *простолюдин* и *толпа* [Абрамов 1999]. Дефиниционный анализ толковых словарей русского языка¹ позволяет выделить достаточно многочисленный ряд лексических единиц, объединенных интегральным смыслом «неупорядоченная группа людей», которые в лексикографической практике могут дополнительно поддерживаться пометой *собирачительно*. Ср.: *полк* «множество, толпа»; *сволочь* (собр.) «дрянные, подлые люди; сброд, подонки»; *стадо* «большая неорганизованная группа людей»; *шатия* (собр.) «компания, группа людей (обычно предосудительного, недостойного поведения)»; *шобла* «группа, сборище людей (обычно агрессивно настроенных)»; *шушера* (обычно собр.) «ничтожные или дурные люди; сброд, шушваль» и др. Приведенный фрагмент тезауруса, обозначающий неорганизованную группу людей, характеризуется стилистическим своеобразием: большинство рассматриваемых лексем имеет либо нейтральную, либо разговорную квалификацию, в том числе стилистически сниженную, что свидетельствует о функционировании подобных слов в первую очередь в обыденном общении. Данные единицы можно дополнительно классифицировать по знаку оценки. Так, к нейтрально- или положительно-оценочным относятся такие слова, как *ватага*, *гурьба*, *народ* и др. Ср.:

Приехали из города дачники, целая веселая ватага взрослых, подростков и детей, опьяненных воздухом, теплом и светом... (Л. Н. Андреев. Кусака,

1901); После того как соперники забрасывали свои бутылки, **ватага** ребятишек, расположившихся внизу на помосте для пловцов, бросалась в воду наперегонки... (Ф. Искандер. Случай в горах, 1980–1990); После окончания танцев в клубе, парочками, где и **гурьбой**, разбрелись люди кто куда (В. Астафьев. Обертон, 1995–1996); Как после рассказа и показа изделий к Е. Вороновой и Т. Романчиковой подходили участницы “круглого стола”, рассматривали ткань, крой, силуэт, задавали вопросы мастерицам, так и теперь **народ** обступает В. Голубеву — наглядный пример того, насколько сильный интерес вызывают эти модели у женщин... (Народный костюм: архаика или современность? // Народное творчество, 2004).

В качестве негативно-оценочных характеризуется большинство лексем со значением ‘неупорядоченная группа людей’. Более того, у многих из них в семантике можно выделить семы ‘низкий социальный статус’ (*масса, отребье, простонародье, чернь, плебс* и др., ср.: *А пытаться привлечь внимание серых безликих масс — слишком неблагоприятная задача* (Форум: 17 мгновений весны, 2005–2010)) и ‘преступные намерения’ (*клика, подонки, свора, шобла* и др.).

Как известно, сдвиги в системе ценностей отражаются в лексическом составе языка экстенсивно, через появление новых слов; менее очевидно — путем изменения коннотаций, частотности употребления уже имеющих в языке лексических единиц, возникновения новых смысловых линий, тем в их семантике [Березович 2010].

Во второй половине XVIII в. — середине XIX в. отмечено появление многочисленных экспрессивно-оценочных единиц, обозначающих скопление, неупорядоченную группу людей. Среди них выделяются заимствования, как, например, *клика* из французского *clique* ‘шайка, банда’ [Крысин 2008: 336], которое впервые отмечено в значении ‘общество людей, соединившихся с дурным намерением’ [Михельсон 1994: 260]. В Корпусе первый пример датируется серединой XIX в. и по смыслу близок современному ‘группа, сообщество людей, стремящихся к достижению каких-л. корыстных, неблагоприятных целей’; для референта номинации не характерен четко выраженный низкий социальный статус. Ср.: ...*Дай*

Бог, чтобы подвиги ума ценились у нас не литературной кликой, а самим народом (А. В. Никитенко. Дневник, 1844). Начиная с 60–70-х годов XIX в. словоупотребление лексемы становится более частотным; показательна ее сочетаемость с преимущественно негативно-оценочными прилагательными, такими как *разношерстный, шарлатанский, праздношатающийся, московский* и др. Ср.:

Эти «промышленники прогресса», которые не умели или не хотели прежде, до его публичной выходки, сочувствовать голосу профессора, вздумали теперь записать его в свои ряды, прицепить и его имя к своей разношерстной клике (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 3–4, 1869); *Бедным, запоздавшим на свете русским вольтерьянцем, очевидно, совсем овладела шарлатанская клика его жены...* (Н. С. Лесков. На ножах, 1870); *Пора было сказать, что триумфы этого рода, устраиваемые праздношатающейся кликой, не похожи на отличие, а на кой-что другое* (П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу, 1875–1883); *Впрочем — дурного ничего нет: заявлением своим Вы отбили наперед поползновения делать из Вашего имени рекламу и чуелу с благосклонной улыбкой в сторону пустейшей московской клики — и это поймется большинством публики* (П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу, 1875–1883).

Крестьянский диалектный язык оказывал большое влияние на русский язык XIX в., во-первых, ввиду того, что активно пополнял формы городского просторечия; во-вторых, стили народной поэзии играли важную роль в творчестве некоторых писателей; в-третьих, писатели-реалисты и писатели-народники видели в крестьянской речи источник пополнения литературного языка [Виноградов 1982: 458–462]. Некоторые из рассматриваемых слов вошли в общее употребление из диалектов, при этом значение ‘неупорядоченная группа людей’ дифференцировалось уже в общем использовании. Примером может послужить существительное *шваль*, которое вошло в общее употребление из областных говоров³, где оно характеризовалось широкой семантикой и представляло общую негативную оценку объекта — ‘негодная, дрянная вещь’, а также ‘презренный, ничтожный человек’ (обл.) [Словарь современного русского литературного языка 1965, т. 17, ст. 1313].

Как свидетельствуют корпусные данные, начиная с середины XIX в. слово регулярно употребляется в значении 'ничтожный человек'. Ср.:

А что он птица высокого полета, это я заключаю по тому, что он служил чиновником особых поручений при графе В. А. Перовском <...>. Следовательно, это не какая-нибудь шваль, а человек с достоинством. Потому что такой вельможа, как граф Перовский, какую-нибудь шваль к себе и в прихожую не допустит (Т. Г. Шевченко. [Дневник], 1857–1858).

Чаще всего, однако, в первой половине XIX в. слово употребляется в общеоценочном значении, собирательно:

Казалось, Наденька была совершенно довольна своею судьбой, потому что очень любила порядочную компанию и вообще чувствовала некоторый недуг к людям, которые не принадлежали к так называемой швали — мастеровым, лакеям, кучерам и далее до бесконечности (М. Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы // Запутанное дело, 1848–1863).

Как показывает пример, к швали причислялись горожане низкого социального происхождения — мастеровые, кучера и пр. Любопытно также восприятие швали в глазах городских жителей XIX в. — это недавно переехавшие выходцы из деревень. Ср.:

Но коммерсантка долгое время не отдавала должного внимания этим поклонам и пожеланиям, ибо связываться со всякою деревенскою швалью было решительно вне ее цивилизованно-плутоватых нравов (А. И. Левитов. Московские «комнаты снебилью», 1863)⁴.

В период активных процессов урбанизации переосмыслились давно существовавшие слова, многие из которых до этого функционировали в религиозном дискурсе. Например, лексическая единица *отребье* (*отребие*), известная по письменным источникам с конца XV в. (1499), функционировала в значении 'мусор, отребье' [СлРЯ XI–XVII вв. 1988, вып. 14: 11]. Корпус фиксирует только одно вхождение с этой единицей в XVIII в. в значении 'низшие, отвергнутые слои общества': *Сии, кои почитались отребием мира...: сии, говору, напоследок столь прославились, что вселенная*

имена их с сладостию воспоминает... (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день святых апостолов Петра и Павла, 1776). В первой половине XIX в. уже отмечено пять контекстов; слово лишено экспрессивно-отрицательного прагматического значения. Ср.: *Уничтожив достоинство человека, он уподоблялся дикому, бешеному зверю... готов был кликнуть клич буянам и отребию черни, вторгнуться с ними в Кремль, во дворец, и скорее все разрушить, зажечь, разграбить Москву...* (Н. А. Полевой. Клятва при гробе Господнем, 1832). В городских реалиях *отребье* начинает приобретать экспрессивно-оценочные оттенки, на что дополнительно указывает сочетаемость лексемы и более широкий контекст. Отребье общества, отребье — это днище Петербурга, одичавшая и бесшабашная часть городского населения, отребье не имеет документов и др. Ср.:

Барство заняло средние этажи — окна на улицу; порядочное чиновничество — средние этажи — окна на двор; из нижних этажей на двор глядят мастеровые разного рода — шляпники, медники, квасовары, столяры, бочары и тому подобный люд; из нижних этажей на улицу купечество выставило свое тучное чрево; ближе к нему, под крышами, живет бедность — вдовы, мещане, мелкие чиновники, студенты, а ближе к земле, в подвалах флигелей, вдали от света божьего, гнездится сволочь всякого рода, отребье общества, та одичавшая, беспашпортная, бесшабашная часть человечества, которая вечно враждует со всеми людьми, имеющими какую-нибудь собственность, скрадывает их, мошенничает; это отребье сносится с днищем всего Петербурга — знаменитыми домами Сенной площади (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861); *Так и в большей части Петербурга: отребье и чернорабочая бедность на дне столлицы...* (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861); *...или у графа Антона Борисыча, у коего даже камердинеръ весь полонъ достоинства, и словно говорит вамъ: «Вотъ сейчасъ зададутъ фарнапиксу вамъ встмъ, проходимцы, просители, лайдаки, отребие рода человетческаго!»* (А. В. Дружинин. Увеселительно-философские очерки Петербургского Туриста, 1863).

Еще одним примером семантических изменений может стать слово *сборище* (*соборище*), известное по письменным памятникам с XI в. в значении 'собрание, совокупность, сонм, толпа'

В древнерусском периоде оно имело и другие значения — ‘совещательное собрание’, ‘молитвенное собрание; место, здание для молитвенных собраний’ и др.⁵ [СлРЯ XI–XVII вв. 1996, вып. 23: 81–82]. В значении ‘собрание’, в том числе совещательное, слово, как показывает Корпус, функционирует на протяжении всей своей истории, однако начиная со второй половины XVIII в. значение ‘неупорядоченная группа’ начинает встречаться заметно чаще. Ср.:

*Иная кофегадательница не имеет на теле цельного платья, ходит в разданных лоскутках, а вся таких старух шайка есть **сборище** побродяг, которых почитать должно извергами человеческого рода (Н. И. Новиков. Живописец, 1775); Одни только патрули национальной гвардии, наскоро составленной, ходили по безлюдным улицам, предупреждая **сборище** людей, не имеющих ни крова, ни пристанища (Н. А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года, 1831–1840).*

В современном русском языке слово *сборище* квалифицируется как разговорное, его семантика представлена двумя значениями: 1) ‘стечение, скопление людей, толпа’; 2) ‘собрание, сходка для бесед, развлечений’. Как видно, ‘собрание’ — второе значение, а ‘толпа, скопление людей’ считается основным [БТС 2008: 1152].

Примером влияния процессов урбанизации на семантику слова может послужить словообразовательный дериват *сброд* (*збродъ*), впервые отмеченный в XVIII в. в значении ‘собрание, сходбище разных людей низкого состояния’ [САР 1789, ч. I, стлб. 331]. Первые контексты с лексемой свидетельствуют об уничижительном отношении к ее референтам, их низком социальном статусе в обществе. Чаще к *сброду* причислялись этнические меньшинства — цыгане, татары и другие народности. Ср.:

*Цыганы во многих государствах в оклад положены и о их промысле добрые уставы зделаны, но у нас их хотя со излишком, а ничего не упомянуто, и оной коварной **сброд** не имел никаких законов, никакой пользы, а многий вред приносят (В. Н. Татищев. Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной, 1733); Терские же и семейные казаки суть **зброд** разных народов и состояния людей (Н. Я. Озерцовский. Дневник, 1782).*

Рост городов естественным образом ассоциировался с людьми, не придерживающимися принятых в обществе норм поведения, беглецами, бродягами; эти смыслы также актуализировались в *сброде* с середины XVIII в. Ср.: *С Вишневским князем Михаилом они на татар воевали и город на Хортице острове построили, а вскоре, перешед на Дон и в прочих местах поселясь, от **зброду** и беглецов умножились (В. Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй, 1750).*

В городе происходит концентрация разнообразия, поэтому часто слово сочетается с лексемами *всякий, разный*. Ср.: *Шкловъб былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, звания и націй; ... затъмъ отставные и штабъ и оберъ-офицеры, не имтьющие приюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы: Французы, Итальянцы, Нъмцы, Сербы, Греки, Молдаване, Турки, словомъ, всякій **сбродъ** и побродяги (Л. Н. Энгельгард. Бывшіе фавориты въ провинціи, 1826–1835).*

В современном употреблении у слова выделяют несколько значений, все они отмечены стилистической пометой *разговорное*: ‘люди, принадлежащие к разложившимся, преступным, антиобщественным элементам’; ‘о ничтожных, незначительных людях; случайное и беспорядочное соединение’ [БТС 2008: 1153].

Производное значение некоторых рассматриваемых слов представляет собой антропоцентричную метафору, построенную по модели ‘группа животных’ — ‘неупорядоченная группа людей’, ср.: *свора, стадо, стая* и пр. Например, *стадо* впервые засвидетельствовано в письменных источниках XI в. (1057) в прямом значении ‘стадо (животные)’ и переносном ‘об общине верующих’ (1057), в XII в. у слова зафиксировано значение ‘толпа’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2006, вып. 27: 190]. Корпус отмечает положительные контексты со словом в переносных значениях вплоть до конца XVIII в. преимущественно в религиозном дискурсе, о чем свидетельствуют сочетания *благочестивое стадо, стадо Христово, стадо словесных овец, Богозванное стадо, стадо нищих* и пр. Ср.:

*И по своему челобитью приях от него благословение и прощение о своем дерзновении, еже хотех пасти Христово **стадо** словесных овец (Формулярный*

извод отписной грамоты суздальского и торусского епископа [Федора, Ефимия?], 1482); *Деспотъ же Стефанъ не хотя стадо благочестивое, еже Господь свободы, паки Туркомъ поработити...* (Никоновская летопись, 1425–1506 гг. (1526–1530)); *Но чего ожидают беспомощных людей полки, нищих людей стада?* (архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение десятое, 1758).

Однако в первой половине XIX в. находим у поэта и общественного деятеля К. Ф. Ралеева интеллектуальное метаязыковое высказывание с отсылкой к И. П. Котляревскому, которое свидетельствует о том, что *ватага*, как, впрочем, и *стадо*, *стая*, *шайка*, функционировали в негативно-оценочном смысле 'неорганизованная группа людей, часто с преступными намерениями': *Ватага — малороссийское слово, имеющее следующие значения: толпа, шайка, стадо, стая; ватага разбитак — шайка разбойников* (К. Ф. Рылеев. Примечания к «Войнаровскому», 1825).

Известно, что к середине XIX в. большинство российских городов трансформировалось из аграрно-административных в ремесленно-промышленные и торговые центры. К 1861 г. размежевание между городом и деревней достигло своего апогея [Миронов 2014: 860]. При описании повседневной жизни горожан, социальных отношений в обществе и межличностных взаимодействий современники того периода нередко пользовались метафорическими образами, тем самым превращая значения в узуальные. Ср.: *Годы, десятки лет пройдут, и все то же, и все то же... Одно стадо сменит другое, синих платьев изнашивается без счету, покуда, наконец, последнее ляжет в гроб вместе с его обладательницей...* (С. Д. Хвоцинская. Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. № 9–10).

Особая популяризация слова *стадо* в рассматриваемом значении принадлежит В. В. Крестовскому в произведении «Панургово стадо»⁷. Ср.:

В Славнобубенске стадо, а вожаки пасут его в городе Санкт-Петербурге (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 3–4, 1869); *Среди двухтысячного стада, которым коноводили несколько завязанных вожаков, бывших, в свою очередь, передовыми баранами в другом, еще большем, громаднейшем стаде,*

выдвигалась одна только самостоятельная личность, не захотевшая, во имя правды и науки, подчиниться никакому насилию... (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 3–4, 1869).

Во второй половине XIX в. жизнь определенных слоев общества в городских реалиях все чаще представляется при помощи зооморфной метафоры. Ср.:

Пронзительный звон колокольчика загонял это стадо в какие-то смрадные стойла, где большую часть ему говорились какие-то ни в одном слое общественной жизни не употребительные слова (А. И. Левитов. Петербургский случай, 1869); *То было стадо откупщиков и винокурных заводчиков* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов, 1869–1872).

Метафорический образ, связанный с нижней частью емкости, воплотился в ныне экспрессивно-оценочном, бранном слове *поддонки*. Известно, что оно впервые зафиксировано в письменных источниках XVIII в. В «Словаре Академии Российской» (1789–1794) приводятся единственная (поддонок) и множественная формы данного слова в значениях 'все то, что подо дно сосуда поставляется' и 'всякие частицы из жидкого тела на дно осевшие; грубое сгустившиеся в каком-л. жидком теле вещество, на дно осевшее' [САР, ч. II, 1790: 689–690]. В Словаре XVIII в. в словарной статье *поддонки* приводится только одно прямое значение слова 'осадок в отстоявшейся жидкости' [Словарь русского языка XVIII в.]. В 60-х годах XIX в. у слова отмечено переносное значение, близкое к современному 'деклассированные, разложившиеся элементы общества'. Первые контексты словоупотреблений в таком значении дают некоторое представление о референтах. С одной стороны, это нищие, бродяги, попрошайки, то есть дно общества, с другой — беспринципные, преступные жители. Во многих случаях речь идет о жителях крупных городов. Ср.:

От серной шайки, как сами немцы называют марксидов, естественно и недалеко перейти к последним поддонкам, к мутной гуще, которая оседает от континентальных толчков и потрясений на британских берегах и пуце всего в Лондоне (А. И. Герцен.

Былое и думы. Часть шестая. Англия, 1864); *Не смотря на эти общія черты, между нищенствомъ и бродяжествомъ есть довольно существенная разница. Нищій есть настоящие подонки общества. Въ немъ нѣтъ ни стыда, ни чувства собственнаго достоинства* (Н. В. Шелгунов. Бродяги и нищие // Дело. 1867. № 6); *Летописи повествуют, что однажды во семнадцатилетний Христиерн, сманив стоявшаго у дворца часового, целую ночь гулял с ним по городу, пьянствуя в тавернах, распевая песни и всячески бесчинствуя в сообществе обоого пола бродяг, подонков* (К. Биркин (П. П. Каратыгин). *Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий*. Книга первая, 1870).

Любопытно, что в негативно-оценочном значении *подонки* в форме единственного числа, по свідетельству Корпуса, начинает активно употребляться только в первой половине XX в.

Выводы

Ретроспективный анализ семантики слов, обозначающих неупорядоченную группу людей, часто с преступными намерениями и низкого социального статуса, позволяет сделать вывод, что такие единицы активно входят в лексическую систему языка в период интенсивных процессов урбанизации, развития городов и роста городского населения. Такая лексика может входить по-разному: 1) путем заимствований внешних (из других языков) и внутренних (из территориальных и социальных диалектов); 2) путем переосмысления давно существовавших слов, изменения их прагматического компонента значения; 3) за счет создания новых слов по существующим в языке словообразовательным моделям. Исследование показало, что многие единицы появляются в результате семантических изменений (*отребье, сборище, стадо* и др.). Начиная со второй половины XVIII в., когда происходит социально-экономическое, культурное, административное отделение города от деревни, наблюдается своеобразный всплеск вхождений подобной лексики, с помощью которой опосредованно отражаются окружающая действительность и ценностные ориентации того времени. Город концентрирует

разнообразие. Межличностные отношения между городскими жителями складываются иные, чем в деревне, социальный контроль над поведением горожан ослабевает, занятость жителей городов, особенно крупных, становится профессионально разнообразной, повышается мобильность населения в целом.

Большинство слов изученного фрагмента тезауруса в современном употреблении обладает дополнительной стилистической приметой — разговорной квалификацией, в том числе сниженной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве основного толкового словаря для сбора материала исследования был выбран «Новейший большой толковый словарь русского языка» (далее — БТС) под ред. С. А. Кузнецова. Дефиниции приводятся по данным этого словаря [БТС 2008].

² Любопытно, что *сволочь* как многозначное слово с пометами *грубо, бранно* фиксируется в диалектных и региональных словарях со значениями: 1) 'негодяй, мерзавец'; 2) (собр.) 'сброд, подлые люди'. Составители «Словаря народно-разговорной речи города Архангельска» отсылают к В. И. Далю: *сволочь* — 'все, что сволочено или сволоклось в одно место: бурьян, трава и корни, сор, сволоченный бороною с пашни; дрянной люд, шатуны, ворيشки, негодяи, где-либо сошедшиеся'. Далее указано, что в начале XX в. *сволочь* в значении 'негодяй' употреблялось в речи городских низов. В активный обиход слово ввели большевики (*белогвардейская сволочь*), о чем писал А. М. Селищев [Словарь народно-разговорной речи... 2013: 150].

³ Например, в расходной книге Троицкого Герасимо-Болдинского мужского монастыря (дата основания — 1530 г.), расположенного на территории современной Смоленской епархии, во второй половине XVI в. фиксируется слово *шваль* без оценочных смыслов. Ср.: *А ты бобыли пошли въ подмосковную вотчину. <...> Дано слугамъ и плотникамъ и дѣтмѣ и швалемъ и конюхомъ 15 рублевъ и 1 алтынъ.*

⁴ В автобиографическом произведении «Московские «комнаты снебилью»» А. И. Левитов описывает свою жизнь в Москве, уделяя много внимания рассказам о быте простых людей.

⁵ Любопытно, что в XV в. *сборище* могло означать 'собрание духовных властей и вообще лиц, имеющих власть в обществе (преимущественно уничижительно)'; начиная с XVI в. употреблялось уничижительно 'о незаконно созданном, конкурирующем с церковью, религиозном братстве' [СлРЯ XI–XVII вв. 1996, вып. 23: 81–82].

⁶ Шклов, районный центр на территории современной Беларуси, в конце XVI в. был одним из самых населенных мест в Великом княжестве Литовском. В конце XVIII в. Шклов стал уездным центром Могилевской губернии Российской

империи. В XIX в. развитие Шклова активно продолжилось: появилось больше учебных и торговых заведений, больниц, часто проводились ярмарки.

⁷ Панургово стадо — 'группа людей, которая безрассудной толпой слепо следует за своим вожаком, во всем ему подражая' [Фёдоров 2008].

ИСТОЧНИКИ

Абрамов 1999 — Абрамов Н. *Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов.* 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999. 672 с.

БТС — *Новейший большой толковый словарь русского языка.* Кузнецов С. А. (ред.). СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. 1536 с.

Крысин 2008 — Крысин Л. П. *Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов: наиболее употребительные иностранные слова, вошедшие в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века.* М.: Эксмо, 2008. 863 с.

Михельсон 1994 — Михельсон М. И. *Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний).* М.: Терра, 1994. 598 с. [Репр. изд. 1896 г.].

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 30.06.2024).

САР — *Словарь Академии Российской.* В 6 ч. Фонвинин Д. И. и др. (сост.). СПб.: Имп. Акад. наук, 1789–1794.

Словарь народно-разговорной речи... 2013 — *Словарь народно-разговорной речи города Архангельска.* В 3 т. Т. 1: *Городское просторечие.* Морозова О. Е. (общ. ред.). Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 204 с.

Словарь русского языка XVIII в. — *Словарь русского языка XVIII века.* URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 30.06.2024).

Словарь синонимов русского языка 2003 — *Словарь синонимов русского языка.* В 2 т. Т. 2: *О–Я.* Евгеньева А. П. (общ. ред.). М.: Астрель; АСТ, 2003. 856 с.

Словарь современного русского литературного языка — *Словарь современного русского литературного языка.* В 17 т. Чернышев В. И. (гл. ред.). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948–1965.

СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* В 31 вып. Аванесов Р. И. (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1975–2019.

Фёдоров 2008 — Фёдоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц.* 3-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.

ЛИТЕРАТУРА

Березович 2010 — Березович Е. Л. Ценности в русском языке начала XXI в.: новые темы в семантике старых слов. В сб.: *Язык и общество в современной России и других странах: доклады и сообщения международной конференции.* Виноградов В. А., Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Институт языкознания РАН, 2010. С. 557–560.

Виноградов 1982 — Виноградов В. В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков.* М.: Высшая школа, 1982. 529 с.

Дронова 2007 — Дронова Л. П. Общая положительная оценка и норма: диахронический аспект. *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2007, (1): 6–10.

Миронов 2014 — Миронов Б. Н. *Российская империя: от традиции к модерну.* В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.

Drake 1961 — Drake J. A. The effect of Urbanization on Regional Vocabulary. *American Speech.* 1961, 36 (1): 17–33.

Labov 2010 — Labov W. *Principles of Linguistic Change.* In 3 vols. Vol. 3: *Cognitive and Cultural Factors.* Chichester: John Wiley & Sons, 2010. 419 p.

Schreuder 1970 — Schreuder H. *Pejorative Sense Development in English.* Maryland: McGraph Publishing Company, 1970. 196 p.

REFERENCES

Березович 2010 — Berezovich E. L. Values in Russian at the beginning of the 21st century: New ideas in the meanings of old words. In: *Iazyk i obshchestvo v sovremennoi Rossii i drugikh stranakh: doklady i soobshcheniia mezhdunarodnoi konferentsii.* Vinogradov V. A., Mikhal'chenko V. Iu. (eds). Moscow: Institut Iazykoznaniiia Publ., 2010. P. 557–560. (In Russian)

Виноградов 1982 — Vinogradov V. V. *Essays on the history of the Russian standard language in the 17th–19th centuries.* Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1982. 529 p. (In Russian)

Дронова 2007 — Dronova L. P. Overall positive values and the norm from the diachronic perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.* 2007, (1): 6–10. (In Russian)

Миронов 2014 — Mironov B. N. *The Russian Empire: From tradition to modernity.* In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2014. 896 p. (In Russian)

Drake 1961 — Drake J. A. The effect of Urbanization on Regional Vocabulary. *American Speech.* 1961, 36 (1): 17–33.

Labov 2010 — Labov W. *Principles of Linguistic Change.* In 3 vols. Vol. 3: *Cognitive and Cultural Factors.* Chichester: John Wiley & Sons, 2010. 419 p.

Schreuder 1970 — Schreuder H. *Pejorative Sense Development in English.* Maryland: McGraph Publishing Company, 1970. 196 p.